

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

ЗАПИСИ ДЛЯ СЕБЯ

*Мысли, факты, выписки,
дневниковые записи*

ПАЛ Ъ М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
В31

Вересаев В.

В31 Записи для себя : Мысли, факты, выписки, дневниковые записи / Викентий Вересаев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 191 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09464-3

На протяжении многих лет В. В. Вересаев записывал цитаты великих философов и литераторов, афоризмы, мысли, отрывки из воспоминаний, которые позднее широко использовал в своих рассказах и статьях. Незадолго до смерти Вересаев решил собрать эти материалы в сборник, который назвал «Записи для себя». Хотя писатель не успел завершить работу, сборник представляет собой итог его многолетних размышлений о природе человека, о любви, смерти, искусстве.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09464-3

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Викентий Викентьевич Смидович (В. Вересаев)

Автобиографическая справка

Я родился в Туле, 4/16 января 1867 года. Отец мой был поляк, мать — русская. Кровь во мне вообще в достаточной мере смешанная: мать отца была немка, дед моей матери был миргородский хохол, его жена, моя прабабка, — гречанка. Род Смидовичей — польский дворянский род. Дед мой, Игнатий Михайлович, принимал участие в Польском восстании 1830–1831 годов, имение его было конфисковано. Умер он в бедности, оставив большую семью без средств.

Отец мой был врач. Он пользовался в Туле большою популярностью как врач и общественный деятель. Был он человек широко и разносторонне образованный, особенно в области естественных наук, истории, философии и богословия. У него была своя домашняя химическая и бактериологическая лаборатория, ценная минералогическая коллекция; из года в год он аккуратно вел метеорологические наблюдения, много работал по статистике (есть ряд печатных работ). При других условиях, думаю, из него вышел бы незаурядный ученый. Единственная область, к которой он всегда относился с полнейшим равнодушием, было искусство и, в частности, изящная литература. Он, например, серьезнейшим образом ставил исторические романы Шардина

выше «Войны и мира». В молодости отец был материалистом, но с тех пор как я его помню, был человеком верующим, глубоко религиозным. Очень религиозна была и мать.

Семья наша была большая (8 человек детей, с умершими в детстве — 11, я — второй по счету) и очень «удачная». Отношение к детям было мягкое и любовное, наказаний мы почти не знали. Воспитывались в строго религиозном, православном духе, постились сплошь все посты и каждую среду и пятницу. Жили очень замкнуто, в гости ходили редко, только на святках и на Пасхе. У отца был свой дом на Верхне-Дворянской улице, и при нем большой сад. Этот сад был для нас огромным, разнообразным миром, с ним у меня связаны самые светлые и поэтические впечатления детства. Летом мы жили в деревне у дяди-помещика.

Когда мне было лет четырнадцать, отец купил небольшое имение под Лаптевом, верстах в тридцати от Тулы. Лето я проводил там, помогал матери в хозяйстве; целыми днями работал вместе с рабочими: косил, возил сено и снопы, пахал, ел с рабочими и спал. Года через четыре имение было продано.

Учился я в тульской классической гимназии. Способности у меня были хорошие, память редкостная. Учение давалось легко, и учился я старательно. Был гимназистом типа «первых учеников», очень старался, чтобы при переходе из класса в класс получить награду первой степени. Труднее всего давалась математика, к которой всегда чувствовал отвращение; больше всего преуспевал в древних языках.

В младших классах гимназии зачитывался Майн Ридом и Густавом Эмаром. Не мог понять, как нравится Робинзон. С шестого класса начал читать Добролюбо-

ва, Миля, Бокля, позднее — Писарева, чему отец очень не сочувствовал. Начался религиозный перелом, давшийся мне очень тяжело. Много было споров с отцом, получился ряд конфликтов с родителями из-за отказа моего ходить в церковь. К гимназическим успехам охладел, предпочитал читать для себя; но учение по инерции шло хорошо, и кончил я курс с серебряною медалью.

В 13–14 лет начал писать стихи. Много переводил из Кернера и Гейне. Любимыми поэтами были Лермонтов и Алексей Толстой; Пушкина «презирал». Прозаиком любимым был Гоголь, позже — Тургенев.

Кончил гимназию в 1884 году, 17-ти лет, и поступил в Петербургский университет, на историко-филологический факультет; шел по историческому отделению. С теплым чувством вспоминаю проф. А. В. Прахова, со страстью и блеском читавшего историю греческого искусства, и проф. В. Г. Васильевского, известного византиста, читавшего среднюю историю; читал он тихо и монотонно, не ослеплял широкими картинками и обобщениями, которые приходилось бы брать на веру, но умел заставить слушателей самостоятельно думать и разбираться в исторических данных. С увлечением еще слушал приват-доцента В. И. Семеvского, начавшего читать курс русской истории восемнадцатого века; но он вскоре был удален из университета за неблагонадежность. Философию и психологию читал пресловутый М. И. Владиславлев, карьерист и тупой человек. На кафедре русской истории известного К. Н. Бестужева-Рюмина сменил бездарнейший Е. Е. Замысловский (отец одного из лидеров думских черносотенцев Е. Е. Замысловского). Мольеровски-карикатурную фигуру представлял из себя профессор древней истории Ф. Ф. Соколов, которого

в истории интересовали только факты сами по себе и особенно хронология. Его изобразил Мережковский в своей поэме «Вера»: взшел на кафедру старик с пергаментным лицом —

И зашептал уныло числа, числа, числа,
История без образов, без лиц,
Ряды хронологических таблиц...

Университетской наукой я занимался без любви, усердно посещал только Васильевского и Прахова. На экзамены шел, часто не зная экзаменатора в лицо. Но деятельно и с увлечением участвовал в разнообразнейших студенческих кружках, лихорадочно жил в напряженной атмосфере самых острых общественных, экономических и этических вопросов. Революционное народничество в это время шло уже сильно на убыль. Начинало распространяться толстовство, культ Платона Каратаева; усердно читались «Основы народничества» Юзова, статьи о русских сектантах. Во мне лично такое народничество симпатий не возбуждало; веры в народ не было. Было только сознание огромной вины перед ним и стыд за свое привилегированное положение. Но путей не виделось. Борьба представлялась величественною, привлекательною, но трагически-бесплодною борьбою гаршинского безумца против «красного цветка». Сильное впечатление производила поэма Минского «Гефсиманская ночь», запрещенная цензурою и ходившая в бесчисленных списках. Христу в Гефсиманском саду является искушитель и доказывает полнейшую ненужность его подвига, развертывает перед ним картины будущего — костры инквизиции, злодейства пап и т. д. Теряющего веру в свой подвиг Христа поддерживает ангел, который поет ему о «счастье жертвы»:

Кто крест однажды будет несть,
Тот распинаем будет вечно.
Но если счастье в жертве есть, —
Он будет счастлив бесконечно...
Какое дело до себя,
И до других, и до вселенной
Тому, кто следовал, любя,
Куда звал голос сокровенный.
Но кто, боясь за ним идти,
Себя раздумием тревожит,
Пусть бросит крест среди пути,
Пусть ищет счастья, если может!

Не нужно раздумывать над тем, будет ли польза от жертвы. Высшее счастье в жертве как таковой. Великое требовалось разуверение, чтобы прийти к культу та-
к о й жертвы.

Любимыми моими писателями-художниками в это время были Глеб Успенский и Гаршин (а рядом с ними — вот подите же — Гёте). Из публицистов особенно дорог и любим был Н. К. Михайловский — не за пути, которые бы он указывал (чувствовалось, что их и у него нет), а за страстные призывы не забывать «великих задач», за борьбу его с общественным равнодушием, с проповедью «малых дел» и толстовского «неделания».

В 1888 году я окончил курс кандидатом исторических наук. Кандидатская диссертация: «Известия Татищева, относящиеся к XIV веку». В том же 1888 году осенью поступил в Дерпт на медицинский факультет. Почему на медицинский? Главная причина: уже в то время моей мечтою было стать писателем, а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека, его физиологии и патологии; кроме того, специальность врача давала возможность близко сходитьсь с людьми самых разнообразных слоев и укладов; для

меня это было особенно нужно, так как характер у меня замкнутый, схожусь с людьми трудно. В Дерпт попал я случайно: в Петербургскую медицинскую академию почему-то не был принят; когда узнал об отказе, в Московском университете прием на медицинский факультет был уже прекращен; а в Дерпте университет в то время был еще немецкий и блистал крупными научными именами.

В тихом Дерпте я пробыл шесть лет и усердно занимался наукою. В 1892 году, студентом, ездил на холерную эпидемию в Екатеринославскую губернию и самостоятельно заведовал бараком на Вознесенском руднике П. А. Карпова, недалеко от Юзовки. Отношения с шахтерами были у меня прекрасные, доверием я пользовался полным. В сентябре холера кончилась, я собрался уезжать. Вдруг на Покров, 1 октября, рано утром, ко мне прибежал мой санитар, Степан Бараненко, взятый мною из шахтеров, — растерзанный, окровавленный. Он сообщил, что пьяные шахтеры избили его за то, что он «связался с докторами» и что они толпою идут сюда, чтобы убить меня. Бежать было некуда. С полчаса мы сидели со Степаном в ожидании толпы. Много за это время передумалось горького и тяжелого. Шахтеры не пришли: они задержались по дороге во встречном шинке и забыли о нас.

На старших курсах я работал в лаборатории терапевтической клиники, напечатал две работы: «К упрощению количественного определения мочевой кислоты по Гайкрафту» и «К вопросу о влиянии воды Вильдунген на обмен веществ» («Медицина», 1893, №№ 17 и 27–28).

В течение всего моего студенчества, как петербургского, так и дерптского, продолжал усердно писать — вначале стихи, позже рассказы и повести. Первым моим печат-